

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

**Читайте исторические
любовные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба
Тайная жена
Страстная-опасная
Любовный водевиль
Сестры-соперницы
Северная роза
Гадание на любовь
Виновница страстей
Свет мой ясный
Крепостная графиня
Роковая вдова
Пленник богини любви
Дуэль на брачном ложе
Две невесты
Любовь как смерть
Лукавый взор
Заморская отравка
На краю любви
Поцелуй фортуны
Ваш милый думает о вас
Русская лилия

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Дуэль
на брачном ложе

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
©B.illustrations/Shutterstock.com;
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Дуэль на брачном ложе : роман / Елена
Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-202534-1

Генерал Дмитрий Корф женится на очаровательной Машеньке Строиловой. Ничто не препятствует свадьбе, кроме одного щекотливого — и невыполнимого — условия: невеста должна быть невинной... В брачную ночь она пытается выдать за себя служанку, но обман раскрывается. Казалось бы, молодая семья обречена на несчастье... Но все меняет дипломатическая поездка супругов в охваченную революцией Францию. Они совсем одни в далекой чужой стране, и только любовь поможет им справиться со страшным испытанием.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-202534-1

Последствия любви
непредсказуемы.

Стендаль

Пролог

*О*т Парижа до Марсея всего три дня пути. Но это для тех, кому повезет...

Дорога была — спуски да подъемы. Навстречу тянулись длинные обозы из Прованса, несколько раз огромные телеги чуть не разбили легкую карету. Данила уворачивался молча, с перекошенным лицом и стиснутыми зубами: при малейшем отпоре возницы охотно избили бы кучера богатого экипажа. А еще через полчаса случилось вот что: карета жалобно запищала, потом закачалась и села на «брюхо». Мария, падая с сиденья, успела увидеть в окно, как весело катится прочь колесо.

Через несколько минут выяснилось, что укатились два колеса. Враз.

Какие только чудеса не случаются на дороге — но чтобы сломались одновременно две железные чеки...

Данила осмотрел место слома и обнаружил явные следы подпилов. Совершенно ошалев, хватаясь то за одну, то за другую половинку сломанной чеки, он то и дело повторял:

— Ну пуркуа, пуркуа, черт меня задери?!

Мария, впрочем, не слишком удивилась: она ждала чего-то подобного после вчерашней ночевки в Мон-Ну-

ар, однако Данила, дворовый парикмахер, ставший поневоле кучером, привык во всем винить себя, а потому плюхнулся Марии в ноги и заголосил по-старинному:

— Не вели казнить — вели миловать, барыня-сударыня!

Мария велела время не терять, а распрягать лошадей, чтобы седлать их к верховой езде.

— А добро ваше, а сундуки? Неужто бросим?! — закудахтал Данила.

— Узлов навяжем, навьючим на свободных лошадей! — нетерпеливо бросила Мария.

Да, надо спешить: у марсельского причала уже нетерпеливо пританцовывает на зеленой волне «Сокол» — легкокрылый «Сокол», готовый улететь в родимую сторонку.

Мария направилась к карете: кроме вещей необходимо забрать еще заветную шкатулку.

Вдруг раздался стук копыт, возбужденные окрики — к ним приближались всадники.

За плечами одного из них развевался трехцветный шарф офицера народной полиции.

— Приветствую тебя, гражданка! — весело закричал всадник. У него было дерзкое, лукавое смуглое лицо гасконца. — Вижу, тебя настигла беда в дороге, однако сочувствие выразить не могу: для нас это — большая подмога!

Мария взглянула на него лишь мельком: смотрела не на него — на его отряд. Знакомые лица... Кузнец из Мон-Нуар — его леностью и небрежностью путешественники вынужденно задержались в городишке на два дня — и злая красивая девка с полуобнаженной грудью и заткнутым за пояс пистолетом.

Девка сидела верхом по-мужски, ветер, закидывавший вверх ее юбку, обнажал выше колен смуглые точеные ноги, на которых едва удерживались сабо — грубые башмаки из толстой кожи на деревянной подошве. Хотя выглядела она совсем иначе, чем вчера, Мария узнала ее тотчас: это была горничная из гостиницы «Добрый король», с ненавистью и завистью озиравшая платье богатой постоялицы!

Подымая пыль, кружили вокруг кони, теснили путников, так что перепуганный Данила вскричал на ужасном французском:

— Оставьте нас, господа, что вы, с ума сошли?!

Он не успел договорить: кузнец накинулся на него с веревкой; и девка тоже спрыгнула с коня, угрожающе надвинулась: в глазах ее горела даже не ярость — чистое безумие! У Марии ослабли ноги, она покачнулась... Но тут кто-то стиснул ее локоть железными пальцами — и боль вернула силы. Яркие глаза офицера блеснули рядом; голос его зазвенел насмешливо:

— Угомонись, Манон! Ты сделала свое дело — теперь дай слово мне.

Девка возмущенно подалась к нему. От этого движения грудь ее вся выпрыгнула из корсажа. Гасконец только хохотнул и подтолкнул Марию к карете:

— Позвольте побеседовать с вами наедине, мадам.

Спасибо, перестал называть ее гражданкой! Мария ненавидела это слово, которое в некогда прекрасной, а теперь взбесившейся Франции звучало повсюду.

Полумрак кареты, знакомые запахи бархата и духов вернули Марии самообладание. Она небрежно кивнула офицеру:

— Вы можете сесть, сударь.

— Вы так добры, баронесса, — ухмыльнулся он.

Сердце Марии екнуло, однако голос оставался надменным:

— Да, я баронесса Корф. И что же? Мои документы в порядке, на них подпись самого Монморена...

— Да, да, русский посол господин Симолин и наш министр иностранных дел оказались настолько легкомысленными, что поверили в вашу байку: мол, собираясь в дорогу, вы нечаянно, вместе с прочим мусором, сожгли только что полученные документы, согласно которым собирались ехать во Франкфурт с двумя детьми — какими? чьими, позвольте спросить? — а также с камердинером, слугами, горничной и еще бог весть с кем! Отчего же вы изменили свои планы и попросили новые документы — на выезд в Рим в сопровождении одного лишь слуги?

— А какое вам дело, сударь, до того, почему женщина вдруг изменила свои намерения? — заносчиво спросила Мария. — Да, документы сгорели, вдобавок холодному воздуху Франкfurта я предпочла теплый, итальянский.

Офицер глядел сочувственно, кивал понимающе:

— Да, о да, мадам. Клянусь, вы меня убедили, к тому же я снисходителен к женским причудам. Скажите только, что же нам теперь делать с двумя баронессами Корф?

Сердце Марии снова екнуло. Она с трудом перевела дух.

— Как... с двумя?

— Да так. С вами, баронессой Марией Корф, глаза темные, волосы русые, двадцать девять лет, и

еще с одной, по документам — тоже двадцать девять, а на деле — тридцать восемь. И волосы у нее седые, и при ней увалень-муж по фамилии Капет, который ехал под документами этого вымышленного камердинера. Плюс двое детей, верная подруга... Продолжать?

Мария едва заметно покачала головой. И вдруг, встрепенувшись, ухватилась за последнюю соломинку:

— Вы сказали — седые волосы? Почему — седые? Тут какая-то ошибка!

— Никакой ошибки, мадам, — усмехнулся офицер. — Волосы той, что ехала на север под вашим именем, волосы Марии... Марии-Антуанетты, которую французский народ справедливо прозвал австрийской волчицей¹, — волосы ее поседели за одну ночь: после возвращения из Варенна, где ее задержали.

У Марии перехватило дыхание.

Варенн! Но ведь это совсем близко от Парижа! Почему же так скоро их схватили? Почему их вообще схватили? Что произошло, что не сработало в тщательно выверенном плане?!

Устроить бегство королевской семьи — дело не легкое, деликатное и опасное: следовало раздобыть деньги, фальшивые паспорта, карету, кучера, лошадей, охрану, провизию, нужно было договориться о подставах в дороге, вывезти монархов из Тюильри, доставить их к границе... Документами занималась Мария. Добыть их удалось без особого труда. Деньги раздобыли Жан-Аксель Ферзен, верный рыцарь

¹ Мария-Антуанетта была родом из Австрии.

несчастной королевы, Элеонора Сюзливан, ее наперсница, и графиня Строилова, тетка Марии. Элеонора также заказала у каретника Жан-Луи огромную берлину¹, которая могла вместить и монархов, и свиту. И вот три дня назад одна баронесса Корф со свитой и семейством выехала на север, направляясь во Франкфурт, другая, почти в то же время, — на юг. И что же случилось? Почему заговор провалился?

Мария сжала кулаки — ногти вонзились в ладони. Однако туман в глазах начал рассеиваться.

Чтобы узнать, как это произошло и можно ли что-то исправить, надо поскорее воротиться в Париж. А для начала избавиться от вертопраха-полицейского, нагло развалившегося напротив и не спускающего с нее своих бесстыжих глаз.

— Ну что же, граж-да-нин, — Марию передернуло от отвратительного вкуса этого слова, — вы прекрасно знаете: я русская, я подданная ее величества российской императрицы Екатерины Алексеевны, — а значит, могу себе позволить убеждения иные, чем у вас и ваших сообщников. Не вижу оснований задерживать меня.

— Как бы не так!

Оба содрогнулись, точно при грохоте выстрела: злющая горничная, девка из Мон-Нуара, вскочила на подножку кареты и теперь стояла, пригнувшись, точно кошка, готовая к прыжку, осыпая обоих такой отборной бранью, что Мария невольно заслонила от нее ладонями.

А гасконец расхохотался:

¹ Карета, предназначенная для дальних путешествий.

— Я был так увлечен беседой с тобою, гражданка, что не успел сообщить: именем французского народа мне предписано арестовать тебя!

— Арестовать?! — вскричала Мария — и ей эхом отозвалась девка:

— А-рес-то-вать?! Эту шлюху? Эту поганую аристо?¹ — И, высунувшись из кареты, она завопила: — Братья свободы, не допустим этого! Не допустим!

Мария ахнуть не успела, как ее вытолкнули из кареты и бросили на дорогу. Девка уселась на нее верхом, вцепилась в распутившиеся волосы и закричала:

— Клянусь, она не доедет до тюрьмы! В петлю ее! Повесить!

Словно темный туман окутал все вокруг — это был смрад невымытых, разгоряченных тел.

— В петлю аристо! — раздавались дикие голоса. — Повесить ее, повесить!

— Опомнитесь, граждане! — вмешался наконец-то офицер. — У меня приказ Конвента. Это соучастница преступления, нам нужны ее показания...

Но в голосе офицера не было твердости, и мятежники не обратили никакого внимания на его слова, только девка, иступленно дергая Марию за волосы, выкрикнула:

— Показания?! На черта нужны ее показания, если булочник Капет² уже схвачен? Ее место у тетушки

¹ Пренебрежительное прозвище дворян, аристократов во Франции в описываемое время.

² Пренебрежительное прозвище короля Людовика XVI, данное черню во время революции.

Луизы¹, но у той и так много поживы. Зачем ждать? Доставим себе удовольствие! В петлю пособницу австриячки! В петлю!

И снова на Марию накатила тьма, ударяя по глазам отдельными вспышками: разинутые в крике рты, связанный Данила, неловко привалившийся к боку кареты, а в глазах его — ужас; люди, опьяненные жадой крови, спорят, кричат, беснуются; девка, задрав юбку, скачет перед офицером, виляя голыми бедрами, визжит, хохочет, слова сказать не дает, и вот уже все хохочут, и офицер тоже смеется, и наконец-то, махнув рукой, грубо хватает девку, лапает, целует... Он согласился, он сдался — и отдал бунтовщикам Марию.

Ее повесили бы сию же минуту, но оказалось, что в спешке не захватили с собой веревки. На счастье, никто даже не вспомнил о пистолетах, из которых можно застрелить «пособницу австриячки».

Сгонять за веревкой в Мон-Нуар вызвалась Манон, а без нее, словно она была тем кресалом, которое распяляло мужчин, они сделались помирнее и, оставив в покое пленников, с упоением принялись грабить карету.

Мария с Данилой встревоженно переглядывались. Но пока, к счастью, никто из грабителей не орал истошно и торжествующе, не выскакивал на дорогу, прижав к груди заветную шкатулку... Может быть, ее и не найдут? Наконец из разоренной кареты вылез

¹ Луизой парижане называли гильотину — по имени ее изобретателя хирурга Луи Гильотена.

последний крестьянин с пустыми руками и недовольным лицом. Слава богу, шкатулку так и не нашли!

Корзины с припасами тотчас распаковали и не-
вдалеке, на полянке, устроили пирушку.

Мария и Данила снова переглянулись. Ну, если не теперь, то уж и никогда! Прикусив губу до крови, Мария сумела-таки вызвать на глаза подобие слезинок и закричала как могла жалобнее:

— Господин офицер! Во имя неба, выслушайте меня!

Офицер тоже направлялся к раскинутым ска-
тертям. Досадливо оглянувшись на Марию, он про-
цедил сквозь зубы:

— Я ничего не могу сделать для вас, баронесса. Молитесь — пусть Бог дарует вам последнее утешение.

— О том я и прошу! — вскричала Мария. — По-
звольте мне помолиться, как того требует моя вера! Мы, русские, православные, и наше последнее об-
ращение к Богу требует уединения и полумрака. По-
звольте мне войти в карету, собраться с мыслями, верить Господу душу мою...

В глазах гасконца вспыхнуло любопытство:

— Да, я что-то такое слышал. Вы, русские, —
прямые потомки монголов и до сих пор остались
идолопоклонниками. Ну что ж, эту последнюю ма-
лость я могу вам позволить.

Он рывком поднял Марию, втокнул в карету и
прикрыл за нею повисшую на одной петле дверцу.

Мария рухнула на колени, шепнула, зная, что Да-
нила ее слышит:

— Уповай на Господа! — и с трепетом воззрелась
на пол.

Обшивка вся была сорвана, ясно видна заветная планочка — чуть темнее других. Мария нажала на нее связанными руками, чуть повела вперед — тайник открылся.

Какое счастье, что кинжал она положила сверху! Теперь надо подцепить его пальцами и укрепить в щели стоймя, чтобы перерезать веревку. Но едва с рук Марии упала последняя петля, как что-то зашевелилось сзади.

Мария резко обернулась — и похолодела: проклятый кузнец!

Сейчас он был совсем другой, чем возле кареты, когда кричал вместе со всеми: «Повесить! Повесить!» Сейчас ему нужно было совсем другое! Он даже тайника не заметил. Одежда его была с готовностью раскрыта, и Мария с трудом подавила позыв тошноты.

Она занесла кинжал, и выражение тупого изумления и обиды, появившееся на лице кузнеца, едва не заставило ее расхохотаться.

Но времени смеяться не оставалось. В тесноте кареты метать кинжал было неудобно, и все же Мария не промахнулась. С бульканьем хлынула кровь из горла кузнеца, и Мария, одолев отвращение, с силой дернула его за руку, чтобы он упал в карету, а не вывалился наружу.

Брезгливо отерев кинжал о рубаху кузнеца, Мария поднесла острие к груди — и одним махом распоролла себе платье до пояса. Мгновенно содрала его с себя и натянула крестьянскую рубашку и юбку с высоким корсажем, также запрятанные в тайник. Поскорее вытащила оттуда шкатулку, перекрестилась — и осторожно выбралась с другой стороны кареты.

Веселая компания все еще пиновала, и Мария ухитрилась разрезать Даниловы пути.

— Боже, во имя Твое, спаси! — пробормотал он. — Бежим, бежим скорейча!

— Погоди, — остановила его Мария. — Куда в ливрее? Тебе нужна другая одежда. А вот и она идет!

«Она» приближалась к ним на плечах крестьянина, ноги которого заплетались от выпитого; он шел к карете, сопровождая чуть более трезвого офицера: тот, видно, счел, что времени вручить Богу свою душу у пленницы было предостаточно. А может, в опьяненном мозгу зародились те же намерения, что и у кузнеца: мол, Богу — Богово, а тело — мне...

Данила затаился в углу, изготовившись разобраться с простолюдином, а Мария притаилась около дверцы. Выждав, когда офицер сунулся в карету и остолбенел, увидев вместо плачущей женщины окровавленный труп кузнеца, она поймала его за руку и дернула с такой силой, что тот, влетев в карету, растянулся на полу — с кинжалом, приставленным к горлу. К тому же Мария успела выхватить оба его пистолета; один сунула за пояс, как носила Манон, а на другом, заряженном, взвела курок.

Теперь гасконец находился в весьма незавидном положении, но лицо его вновь приняло насмешливое выражение.

— Признаюсь, чего-то в этом роде я все время ожидал, сударыня. Хотя женщина умная и умеющая пользоваться своим умом — большая редкость. А вам вдобавок и силы не занимать. Кто бы мог подумать, глядя на ваши шелка! — пробормотал он, кося взгля-

дом в вырез рубахи Марии. — И должен сознаться, что сей наряд вам очень к лицу...

— Ничтожество, — прошипела Мария.

— Черт побери! — пробормотал офицер, словно бы только сейчас осознал, что же произошло. — Да с меня шкуру заживо сдерут в трибунале, гражданка, если я вас упущу!

— Не успеют, уверяю вас, — усмехнулась Мария, наслаждаясь своей властью над ним.

— Вы меня убьете? — Голос офицера был спокоен, но в глазах вдруг словно погасло что-то. — О, как вы мстительны, беспощадная и прекрасная дама! — Он нервически хихикнул. — Так уж делайте скорее свое дело: вот-вот воротится Манон — и мои санкюлоты снова возбудятся от запаха ее юбок.

Мария брезгливо поморщилась.

— Эта девка еще свое получит! — пригрозила она — и твердо знала в этот миг: все сбудется! — Но вам я вот что скажу на прощание, граж-да-нин... Я была совсем еще девчонкой, когда поняла: ужасен и отвратителен слепой и несправедливый народный гнев... И народ всегда достоин прощения. Но не заслуживает его дворянин, который продает честь своего сословия!

Лицо офицера сделалось бело как бумага, глаза горели, и вдруг он сам рванулся вперед, наткнувшись на кинжал. Острие скользнуло по ключице, пропорол рубаху и вонзилось в горло. Мария замерла, вдруг до боли в сердце пожелав вернуть его к жизни, а он выдохнул:

— Не в силах противостоять ва-ам... — И кровь забулькала в его горле, но улыбка не растаяла: успел-таки оставить за собой последнее слово!

— Ничего, сударыня, — проворчал рядом Данила, крепко взяв под руку госпожу и помогая ей выбраться из кареты.

— Седлай поскорей, — приказала Мария, с трудом владея голосом.

Убивать невозможно привыкнуть, даже если не в первый раз, даже если защищаешь свою жизнь...

Данила проворно подвел коней:

— Те-то упыри лыка не вяжут от барских вин, даже не заметили, как я им ремни под седлами подрезал!

Они довели коней до зарослей тамариска и оседлали их.

— А теперь, Данила, гони! — велела Мария.

— В Марсель прикажете?

— В Париж! — крикнула Мария, хлестнув коня поводьями, так что он с места взял рысью. — Возвращаемся в Париж!

— Эх, с ветерком, родимые! — завопил Данила.

Дорога послушно легла под копыта.

Мария пригнулась к шее коня, зажмурилась... Не в Париж возвращалась она сейчас — в прошлое!

ГРИНЬКА

*М*аше Строиловой не исполнилось еще и двенадцати, когда пожар пугачевщины опалил нижегородские земли. В те времена погиб дед Маши, князь Измайлов, погибли многие верные и преданные слуги, которые не захотели ополчаться на своих господ. Много страхов пережила вся семья, едва не простилась с жизнью мать Маши, едва не попался разъяренным пугачевцам младший брат Алеша, но спас его какой-то деревенский мальчишка по имени Гринька, сирота. С тех пор на него смотрели почти как на члена семьи.

Гринька стоял по возрасту как раз между Машей и Алешкою: на год младше одной и на год старше другого. Дети были неразлучны и в забавах, и в обязанностях своих: учились вместе у гофмейстера и мадам, наемных воспитателей-иностранцев, на всех уроках сидели рядом.

Шли годы.

Машеньке исполнилось шестнадцать: по меркам того времени она созрела для замужества. Мать ее, Елизавета Васильевна, после смерти первого мужа, графа Строилова, вышла за князя Алексея Измайлова, от него и Алешку родила. Брат Маши должен был унаследовать княжеский титул, а она унаследовала и

состояние отца, и его титул. Охотники за красотой и приданым графини Марии Валерьяновны Строиловой непрестанно увивались за ней, однако сия юная девица с разбором глядела на мужчин. Ни один из них не взволновал ее воображение, ее чувственность — только Гринька...

Впрочем, невозможно было признать прежнего заморыша и оборвыша в этом зеленоглазом красивом юноше, быстроном и проворном как в движениях, так и в мыслях. И звался он теперь Григорием.

Просто удивительно, до чего он был востер! И хотя в науках гуманитарных Алешка далеко опережал его живостью своего воображения, однако же в дисциплинах точных, где требовались расчет, сметливость и быстрота соображения, Григорию не было равных.

Это свойство природы называется обыкновенно практичностью. Да, практичный Григорий часто задумывался о том, что, при всей любви к нему князя, княгини и их детей, он всего лишь приемыш, то есть никто, человек без рода, без племени, без состояния, всецело зависящий от милости своих покровителей... И он в лепешку разбивался, чтобы стать в этом доме человеком нужным и даже незаменимым.

В Любавине, так звалось имение, оставшееся Елизавете Васильевне после смерти первого мужа, Григорий мог заниматься чем угодно. Перебрав несколько дел — к сожалению, без всякого успеха; даже конюхом стать не удалось: очень уж лошади его не любили, даже ненавидели, так и норовили то сбросить, то затоптать! — он сделался егерем, и охота стяжала ему истинную славу среди помещиков, которые съезжаются в лес, дабы позабавиться и удаль свою показать.

Вдобавок он обладал таким чутьем, что не смог бы заплутать в лесу, даже если бы старался изо всех сил; по болотинам, мшавам и даже чарусам¹ он проходил аки посуху. Пусть кони его боялись, но зверье лесное слушалось как зачарованное. Даже ядовитые гады пред ним цепенели, ползали вокруг, но не нападали. В деревне перешептывались: мол, не иначе с матерью Гринькиной леший как-то раз побаловался, а теперь сынку помогает!

Григорий понабрал себе в охотничью команду с десяток удальцов-молодцов, глядевших ему в рот, но никто из этих ловких егерей с ним даже по малости сравняться не мог!

Князь с княгиней, конечно, рады были, что воспитанник их пристроился к делу такому необычайному, почетному и выказывает в нем явное превосходство над прочими. Но больше всех, хотя и не явно, радовалась этому Маша.

Впрочем, и здесь все было не так-то просто, и сказать, что Маша в Григория влюблена, оказалось бы разом и правдою, истиной — и ложью, натяжкой.

Она сама себя не понимала!

Как-то раз случились в Любавине гости — молодежь, друзья детства и юности Маши и Алексея. Затеяли играть в жмурки. Водить по жребью выпало Григорию, и пока он с завязанными глазами кидался то за одним, то за другим, Маше сие наскучило. Она углубилась в ореховую аллею и принялась очищать

¹ Самые гибельные в болотах места, зияющие провалами, замаскированные приманчивой зеленой травкою.